

РУКА В ПЕРЧАТКЕ

ГЛАВА 1

Не было ничего удивительного, что в ту сентябрьскую субботу Сильвия Раффрей получила возможность побеседовать с различными мужчинами, отнюдь не заурядными, и с одной выдающейся молодой женщиной. Не было ничего удивительного и в том, что Сильвия приложила к этому минимум усилий — столько и требовалось от чрезвычайно привлекательной и состоятельной сироты, которой до двадцати одного года недоставало шести месяцев. Не слишком интеллектуальная, однако и не совсем пустоголовая, она являлась предметом скорее невинных мечтаний, нежели вожделения, хотя в свое время по ней вздыхал некий простодушный виконт из Оксфорда. Сильвия была финансово независимой, но при этом не настолько, чтобы стать притчей во языцех.

Итак, когда примерно в десять часов утра Сильвия вышла из лифта на двадцать восьмом этаже штаб-квартиры химической корпорации на Тридцать девятой улице, ее хорошенькие губки озабоченно кривились, а прелестные карие глаза потемнели от тревоги, хотя и не той, что разъедает душу и лишает сна. И когда девушка, свернув направо, двинулась по широкому коридору, то ступала во все не тяжело, а весело и пружинисто.

Не пройдя и двадцати футов, Сильвия остановилась. Шедший ей навстречу мужчина тоже застыл как вкопанный.

Сильвия не скрывала удивления:

— Ну привет! Вот уж не думала, что вы способны забраться так далеко на юг. — Оглядев коридор, она перевела взгляд на мужчину. — Вы что, решили заняться оптовыми закупками аспирина?

— Мисс Раффрей... Надо же! — Он, в свою очередь, тоже оглядел коридор. — Тут ведь не производят аспирин?

— Думаю, нет, — покачала головой Сильвия. — Я видела, как вы оттуда вышли. Это, конечно, не мое дело, но вот уж не знала, что здесь начали делать химикаты из мозгов. Простите за неудачную шутку. В любом случае рада встрече. — Она сделала шаг вперед.

Он предостерегающе протянул руку, но не коснулся Сильвии. А лишь произнес умоляющим голосом чуть громче, чем следовало:

— Мисс Раффрей!

Она остановилась, карие глаза смотрели на мужчину с удивлением. Всегда бледный, сейчас он показался ей бледнее обычного. Тонкие волосы, чересчур жидкие для мужчины, которому нет и сорока, как всегда, прилипли ко лбу, крупные ноздри трепетали от беспрестанной работы мысли, что определенно производило отталкивающее впечатление, а блеклые пытливые глаза вылезли из орбит даже сильнее, чем обычно, в стремлении проникнуть глубже, увидеть больше. Но не это удивило Сильвию, а скорее тон голоса и эта тянущаяся к ней рука. Девушка изумленно подняла брови.

— Мисс Раффрей, я... — он сглотнул, — я вовсе не хочу показаться нахальным...

— Это не запрещено законом, — рассмеялась Сильвия. — Но я опаздываю.

— Да. Вы ведь собираетесь встретиться с мистером Сторрсом?

— Направлялась в сторону его кабинета.

— Ну да. — Мужчина поджал губы, но затем произнес: — Я бы хотел вас предостеречь... Вам не стоит с ним встречаться. Короче, не ходите к нему прямо сейчас. Лучше зайдите попозже. Он не... — Мужчина замолчал и нахмурился. — Проклятье! Это все. Зайдите к нему попозже.

Сильвия удивленно уставилась на собеседника:

— В чем дело? Неужели он напился? Вот было бы здорово! Пи Эл под мухой. А может, это вы напилась? Так в чем дело? Профессор Циммерман, вы что, приняли лишнего?

— Нет. И я не профессор. Всего лишь преподаватель психологии.

— Но вы ведь ассистент профессора. Мартин рассказал мне. Узнал из похвальных отзывов на вашу книгу. А я вас так и не поздравила. Можно? Но что случилось с Пи Эл? Неужели вы занимались с ним психоанализом и совершенно его измотали? — Она бросила взгляд на наручные часы. — Боже правый! Я опаздываю уже на двадцать минут! Вы что, проводите со мной эксперимент на остроту реакции или вроде того?

— Пожалуйста! — Мужчина снова поднял руку и тут же бессильно ее уронил. — Я лишь подумал, вы меня послушаетесь, если я попрошу вас отложить встречу... Но, конечно, ошибся. Вы все поймете. Позже. Мисс Раффрей, вы наверняка поймете, что иногда ранение,

почти смертельное ранение... Вы наверняка поймете, какую жертву я принес из-за преданности и что я всей душой предан?.. — Он осекся, нахмурился и, покачав головой, пробормотал: — Нет. Ладно. Вот черт! Ступайте. — С этими словами он повернулся и стремительно направился к лифтам.

Сильвия, с трудом сдержав изумленный возглас, проводила Циммермана долгим взглядом. После чего несколько раздраженно выдохнула:

— Нет, он явно свихнулся, — и устремилась в конец коридора, к массивной двустворчатой двери с золотыми буквами, гласившими: «Корпорация промышленных химикатов».

Вот так в то утро внезапно закончилась ее первая памятная беседа, хотя тогда Сильвия вряд ли могла оценить всю ее важность.

Вторая беседа, на сей раз не случайная, а по предварительной договоренности, имела место в личном кабинете Питера Льюиса Сторрса, президента Корпорации промышленных химикатов. Когда девушку проводила туда обходительная молодая женщина, обязанности которой, судя по ее губам, глазам и щекам, выходили за рамки деловых аспектов производства химикатов, Пи Эл Сторрс наградил посетительницу сердитым взглядом, молча кивнул на кресло и продолжил громыхать в телефонную трубку. Сильвия села и, прикусив нижнюю губу, принялась разглядывать Сторрса. Но ничего настораживающего не увидела — ничего такого, что соответствовало бы нелепому рассказу профессора Циммермана во время случайной встречи в коридоре. Все казалось совершенно нормальным: раскатистый, нетерпеливый бас Сторрса, здоровая, загорелая благодаря гольфу кожа, шапка густых седых волос, треугольник цветного носового платка в нагрудном кармане, легкая краснота глаз, что, как знала Сильвия, было явным симптомом сенной лихорадки.

Но когда Сторрс, закончив разговор, отодвинул в сторону телефон, произошло нечто действительно из ряда вон выходящее, можно сказать беспрецедентное. Сторрс не произнес ни слова. Он просто сидел и, поджав губы, секунд десять смотрел на Сильвию. Наконец он медленно покачал головой, встал с места, обогнул стол, остановился возле кресла, на котором сидела девушка, и глянул на нее сверху вниз. Она подняла на него глаза, недоумевая, как все это понимать. Сторрс снова покачал головой, шумно вздохнул, вернулся на место, положил сплетенные ладони на стол, потер друг о друга кончики больших пальцев и бросил задумчивый взгляд на Сильвию. Все это было чрезвычайно странно. Он не стал упрекать ее за

опоздание, не предложил выпить воды и явно тянул время. Сильвия не ожидала, что его может настолько выбить из колеи внезапно возникшее небольшое затруднение — небольшое для него, — и снова прикусила губу. Но затем улыбнулась:

— Я тут кое с кем столкнулась в коридоре. Со Стивом Циммерманом. Он посоветовал к вам сейчас не ходить. Посоветовал подождать и зайти попозже.

— Так прямо и сказал? — надулся Пи Эл Сторрс.

— Да, и он запинался, что само по себе было забавно. Вы ведь знаете, начав говорить, он не способен остановиться. И вообще, я здорово удивилась, встретив его здесь. Мне казалось, вы его на дух не переносите...

— А что еще он говорил?

— Больше ничего. Ой, он еще нес какой-то бред насчет смертельного ранения, жертвы и преданности... Как по-вашему, у него крыша поехала? По-моему, да. Я ожидала, что найду вас... Ну, я не знаю, он словно обезумел. Я считала, вы терпите его исключительно из-за Мартина. Считала, вам он не нравится...

— Так и есть. — Сторрс поджал губы, а затем продолжил: — Циммерман отвратителен. Интеллектуальный и моральный падальщик. И это называется современной психологией! Фу! — Он махнул рукой. — Что еще он сказал?

— Ничего.

— Ты вроде говорила о смертельном ранении.

— Стив просто нес какую-то околесицу. Мне показалось, он не в себе. — Сильвия снова закусила губу, но затем приоткрыла рот и выпрямилась. — Однако я опоздала и вас задерживаю. Вчера вечером у меня был долгий разговор с Дол.

— Да, ты обещала поговорить с ней, — кивнул Сторрс. — А я ответил...

— Я знаю. Но послушайте, Пи Эл. Ради бога, послушайте! Я понимаю, с вами бесполезно спорить насчет Дол: мы только поссоримся. Но я должна передать вам то, что она сказала. Есть три важных момента. Погодите-ка. — Порывшись в сумочке из страусиной кожи, Сильвия достала какую-то бумагу и бросила на нее сосредоточенный взгляд. — Итак, во-первых, вопрос огласки. Дол говорит, все нормально. Вчера я сказала вам, что статья в воскресном выпуске «Газетт» была случайностью. Лен Чисхолм...

— Пустой разговор! — Сторрс был непреклонен. — Сильвия, в самом деле...

— Погодите, Пи Эл! — Сильвия повысила голос. — Успокойтесь! И тогда сможете мыслить разумно. Лен Чисхолм раздобыл те фотографии и поиздевался над нами, и мы думали, он просто шутит, но затем редактор воскресного выпуска предложил ему за них двести долларов, а Лен остро нуждался в деньгах. Дол говорит... — Сильвия прищурилась, глядя на бумагу. — Она дает письменные гарантии, что подобное впредь не повторится. Это пункт первый. Далее, насчет того, что я провожу там слишком много времени. Лично я считаю это глупым, ведь какая разница, там я или где-нибудь еще, за исключением разве что кутузки, и вообще там ничуть не хуже, чем на собачьей выставке, да и пахнет поприятнее. Но в любом случае Дол написала: «Мисс Раффрей будет приходить в офис на совещания не чаще трех раз в неделю». Таким образом, вопрос улажен. И третий, последний пункт... Большая уступка, на которую мне пришлось пойти. Дол меня уговорила. Лично я не считаю название фирмы «Боннер и Раффрей» чем-то позорным для себя, и мне нечего стыдиться, но Дол меня убедила. Новое название будет «Детективное агентство Боннер, инкорпорейтед», и мы с Дол, как и раньше, разделим паи пополам. Она станет президентом, а я вице-президентом и казначеем. Так что нечего тут сидеть и осуждающе качать головой!

Голова Сторрса медленно и монотонно покачивалась из стороны в сторону, что было нехарактерно для человека с таким апломбом. А после слов Сильвии Сторрс застыл, мрачно уставившись на девушку, и пророкотал:

— Сильвия... мое дорогое дитя, дорогая Сильвия...

— Ой, ради всего святого! — раздраженно отмахнулась она. — Пи Эл, сантименты — это уже слишком. Давайте говорить напрямую. А так просто нечестно.

— Конечно нечестно. — Он снова покачал головой и тяжело вздохнул. — И я отнюдь не развожу сантименты. Я просто кое о чем думаю... но не сейчас... нет, сейчас не могу. Так, по-твоему, я размяк? — Его тон внезапно стал мрачным. — Не совсем так. Впервые в жизни понимаю убийц. Прямо сейчас я способен убить человека. — Он сжал лежащие на столе руки в кулаки. — Гольми руками. Без малейшего сожаления. И мне кажется, сделал бы доброе дело. И с удовольствием... — Он внезапно осекся и ударил кулаком по тяжелому пресс-папье с такой силой, что оно заскользило по полированной столешнице и столкнулось с корзиной для бумаг. Сторрс злобно посмотрел на корзину, затем перевел взгляд на Сильвию. —

Я треклятый дурак! Нет, не могу. Полагаю, сегодня вечером ты приедешь в наш загородный дом?

Сильвия не верила своим глазам:

— Боже мой, вы не в себе — никогда не видела вас таким!

— Я в порядке. — Его голос снова стал резким. — Но это... Впрочем, забудь. По крайней мере, до сегодняшнего вечера. Так ты приедешь в Берчхейвен?

— Попозже, — кивнула Сильвия. — Мы собираемся поиграть в теннис и поужинать у Мартина. Джанет тоже хотела к нам присоединиться. Что-то связанное с деньгами? Я имею в виду убийство, которое вы планируете. Потому что, по-моему, у меня еще достаточно...

— Нет. Дело не в деньгах. — Он окинул ее печальным взглядом. — Да благословит тебя Бог, моя дорогая! И спасибо тебе...

— Прекратите! Опять размякли? Даже и не думайте!

— Я вовсе не размяк. Просто вспомнил, как ты настояла на покупке двух тысяч казначейских акций нашей корпорации, когда...

— Зачем это вспоминать? В любом случае я ведь ничего не потеряла?

— Слава богу, нет! На рынке ценных бумаг акции даже поднялись...

— Тогда забудьте. Пи Эл, дорогой, советую забыть и об убийстве тоже. — Сильвия поднялась с кресла, ее улыбка стала еще более неотразимой. — Впервые в жизни вижу вас в такой ярости. Вам придется постараться быть пайнкой. Сомневаюсь, что мы с Джанет приедем раньше десяти: вы же знаете, какие ужины у Мартина... Но меня уже тошнит от фазана. Когда мы поженимся, ему придется забыть о фазанах. — Она бросила взгляд на наручные часы. — Боже правый, я испортила вам утро! — Помахав Сторрсу рукой, Сильвия направилась к двери. — Ладно, передам Дол, что с ее тремя пунктами полный порядок.

— Сильвия! — взвился Сторрс. — Вернись!

Она удивленно подняла брови:

— Что?

— Сейчас же вернись! — Сторрс сверкнул на нее глазами. — Ты ведь знаешь, что я тебя насквозь вижу. Ты не скажешь мисс Боннер ничего подобного. Я на это не соглашался и ни за что не соглашусь. Надеюсь, ты не забыла о вчерашнем разговоре. С твоим участием в этом отвра... в этом предприятии следует покончить раз и навсегда.

Сильвия застыла на месте:

— Пи Эл, вы знаете, я не терплю подобного тона. В детстве я считала это нормальным, но сейчас, когда я уже выучила таблицу умножения... в конце концов, за шесть месяцев...

— Да, я знаю. В марте тебе стукнет двадцать один. — Сторрс внезапно стукнул кулаком по столу. — Черт побери, Сильвия! Я что, должен повторять? Мой тон тут ни при чем, и ты это знаешь. Я отказываюсь от всех властных полномочий, хотя до твоего совершеннолетия осталось еще полгода. Нет, только посмотри на себя! Боже мой, только посмотри на себя! Все эти три года мне казалось, что устанавливать контроль над тобой было бы... полным безумием. В истории и литературе куча примеров, когда пожилые опекуны влюблялись...

— Вы вовсе не пожилой!

Он смерил Сильвию сердитым взглядом:

— Мне пятьдесят три. Мужчина средних лет? Впрочем, какая разница? Когда пожилые опекуны влюбляются в подопечных. Я в тебя пока не влюбился, но за этим дело не станет, если мои безмозглые жена и дочь отправятся в Индию, где им самое место, тем самым дав мне возможность заняться чем-то более интересным, нежели продажа этих проклятых химикатов. Нет, я в тебя не влюблен, но ты единственный человек на свете, которого я действительно люблю. И ты это знаешь. Тебе было пять лет, когда умерли твои родители. Я был чертовски хорошим опекуном! Ты здорова, красива, ни разу не попадала под машину, тебя не пытались похитить, и ты стоишь более трех миллионов долларов. И что самое важное, у тебя разум превалирует над чувствами. И что в результате происходит?

— Хорошо, Пи Эл, вам нет нужды...

— А то, что аферист с Уолл-стрит, оставшись без штанов, накладывает на себя руки. И так как его дочь — твоя старинная подруга, ты хочешь ее выручить. Что ж, пока все прекрасно. Но она, еще более ненормальная, чем папаша, уговаривает тебя вступить с ней в партнерство...

— Она меня не уговаривала...

— Вступить с ней в партнерство и учредить детективное агентство! Что уже само по себе ни в какие ворота не лезет. А затем она вбивает себе в голову, что ей срочно нужна реклама. Естественно. Ба! И она подстраивает слив информации в газету...

— Она ничего не подстраивала...

— И какой информации! Ты сама видела. Не только ее фото и биография, но и твое фото и биография. Мало того — боже мой! — там опубликовано мое фото и биография. История жизни опекуна леди-детектива! Возможно, тебе интересно, что я пригрозил «Газетт» иском за клевету и с удовольствием узнал, что, по крайней мере, человек, подготовивший материал, уволен.

— Вам не следовало этого делать! Пи Эл! Это был Лен Чисхолм. Я же говорила, он остро нуждался...

— Это его трудности! Сильвия, ты сказала, тебе не нравится мой тон. Я не претендую на то, чтобы тебя контролировать. Ни в малейшей степени. И не претендую на благодарность за то, что был таким хорошим опекуном. Возможно, я получал от этого больше удовольствия, чем ты. Я вообще ни на что не претендую. Нет, я говорю с тобой как друг, старый друг, который однажды собственноручно построил для тебя бассейн, а потом, надев плавки, плескался там вместе с тобой. Просто как старый друг, который любит тебя. Я хочу сказать, что если ты продолжишь поддерживать отношения — финансовые или личные — с этим треклятым детективным агентством, то поступишь против моей воли, чем вызовешь мое величайшее неодобрение и возмущение. Хочу добавить, что, если ты пренебрежешь моими пожеланиями и настоишь на своем, я буду так же наслаждаться твоим обществом всякий раз, когда ты сможешь уделить мне время, да и любить тебя стану ничуть не меньше, а с течением времени даже больше, дай только шанс.

Сильвия нахмурилась.

— Это ваше последнее слово? — сердито спросила она.

— Последнее, — надулся Сторрс. — Только через мой труп.

— Черт! — Поджав губы, она передернула плечами. — Вас не переспоришь. Мне следовало это предвидеть. Надеюсь, к воскресенью ваша сенная лихорадка вконец разыграется. До вечера.

Она зашагала к выходу, ступая пружинисто, но уже не так весело.

Стояло чудесное сентябрьское утро, время близилось к полудню, и Сильвия решила прогуляться. Продолжая хмуриться, она направилась на восток, в сторону Пятой авеню, затем двинулась на север. Она чувствовала себя обманутой, и, что самое противное, ей некого было за это винить. Она небрежно кивнула двум девушкам, которые, поравнявшись, что-то сказали ей, а еще через квартал — поклонившемуся на ходу пожилому джентльмену. Улицу заливал солнечный свет, и хотя прохожие выглядели отнюдь не шикарно, однако

совсем сырыми и убогими их трудно было назвать не только внешне, но и по душевному настрою. Сильвии нравилось разглядывать лица в этой пестрой толпе.

У Сорок четвертой улицы Сильвия резко остановилась, сделала шаг в сторону и преградила дорогу мужчине, который, словно трактор, расталкивал пешеходов. Ее нос был на уровне его груди — примерно на фут ниже ничем не примечательного лица с крупными чертами. Сильвия с улыбкой смотрела, как мужчина неуклюже сдерживает огромной рукой старый черный котелок.

— Делк! Вот уж не ожидала столкнуться с тобой здесь! Ты что, работаешь?

— Ага. Есть работенка.

— Сидишь на хвосте?

— Не-а. Кое-что вынюхиваю.

— Мелкое дело?

— Ага. Чепуховое. Насчет платья, которого так и не получила одна дамочка.

— Ой! Звучит не слишком вдохновляюще. Хотя, конечно, все зависит от того, что это за платье. Ладно, не буду задерживать. Я тебя остановила... Увидела тебя и воспользовалась возможностью сказать, что мне было приятно иметь с тобой дело... Короче, я здорово повеселилась...

Вытаращив на нее глаза, мужчина спросил с кривой улыбкой:

— Повеселилась?

— Да... Хотя мне, конечно, не следовало говорить это, прежде чем... Ты все поймешь позже... Эй! — Сильвия рванула в сторону. — Барт! — Она вернулась, энергично таща за руку молодого человека, которому теперь явно придется гладить рукав пиджака. — Знакомьтесь. Мистер Делк. Мистер Травистер. Барт, ты дурак! У вас двоих, должно быть, много общего. И есть о чем поговорить. Пока.

И Сильвия, не оглядываясь, гордо удалилась. На Сорок седьмой улице она свернула направо, затем — на Пятую авеню, вошла в холл похожего на улей огромного бизнес-центра и поднялась на лифте на тридцать второй этаж. Преодолев длинный коридор и два раза повернув, Сильвия остановилась перед дверью, табличка на которой гласила:

БОННЕР И РАФФРЕЙ, ИНК.

ДЕТЕКТИВЫ

— Черт! — пробормотала Сильвия и, открыв дверь, вошла внутрь.

ГЛАВА 2

Приемная была маленькой, но аккуратной и симпатичной. Зелено-кремовые стены, рассеянный свет, на полу темно-бордовая резиновая плитка; черно-красные лакированные кресла, маленький столик и вешалка для одежды с хромированной отделкой, так же как и стол у стены и казавшийся игрушечным телефонный коммутатор на нем; один только коммутатор, изготовленный по спецзаказу, обошелся Сильвии Раффрей в сотни долларов. В дальних углах, возле обращенной ко входу перегородки, располагались еще две двери; на стеклянной поверхности левой двери прописными золотыми буквами было выведено: «МИСС БОННЕР», а на правой такими же элегантными буквами: «МИСС РАФФРЕЙ».

— Привет, — поздоровалась Сильвия.

Сидевшая за письменным столом девушка, со смуглым симпатичным лицом уроженки Средиземноморья и гладко зачесанными черными волосами, ответила профессионально любезным кивком:

— Доброе утро, мисс Раффрей.

— Мисс Боннер здесь?

— У себя в кабинете, — снова кивнула девушка. — С ней мистер Фольц и мистер Пратт.

— Ой! Значит мистер Фольц тоже здесь? А я думала... — Она приблизилась к левой двери и, осторожно постучавшись, вошла.

— Здравствуй, Сильвия!

Приветствие прозвучало из уст Теодолинды Боннер — для избранных Дол, — сидевшей в кресле за письменным столом. Впрочем, хозяйка кабинета с таким же успехом могла обойтись и табуретом, поскольку, по своему обыкновению, сидела очень прямо, не касаясь спинки кресла. Дол метнула на свою подругу и делового партнера пытливый взгляд золотисто-карих глаз из-под черных как смоль ресниц, казавшихся еще темнее на фоне бледной, кремового оттенка кожи продолговатого лица.

— Сильвия! Куда ты запропастилась... — Мартин Фольц, вскочив с кресла, взял руки Сильвии в свои.

Его движения были робкими и нервными, как и устремленный на Сильвию взгляд серых глаз. Этот жест казался одновременно собственническим и неуверенным, но уж точно не напористым. Сильвия, освободив руку, погладила Мартина по голове.

Третье приветствие, от Силки Пратта, прозвучало как невнятное бормотание. Силки Пратт, сидевший у письменного стола, не удосужился подняться. Пратт был низеньким, невзрачным, ничем не примечательным человечком. И только внимательный наблюдатель мог заметить проблески живого ума в его острых маленьких глазках.

Мартин Фольц придвинул Сильвии кресло и, сев на место, ответил на ее молчаливый вопрос:

— Да, я действительно говорил, что буду здесь в понедельник, но передумал... Я решил прийти сегодня. — Он метнул расстроенный, нервный взгляд на Дол Боннер, затем перевел глаза на свою невесту. — Они... он приходил вчера ночью. Это случилось снова.

— Что?! — ужаснулась Сильвия. — Мартин! Не может быть!

Мартин молча кивнул.

— Да. Мы как раз это обсуждали, — ответила за него Дол Боннер низким гортанным голосом. — Пратт приехал незадолго до тебя. Я собираюсь поручить ему это дело... конечно, если не возражаешь.

— Кролики или фазаны? — спросила Сильвия.

— Четыре монгольских фазана. Прямо в вольере.

— Какой ужас! — Сильвия примостилась на краешке кресла. — Мартин, я тебе уже говорила, единственный выход — снабдить вольеры и все остальное охранной сигнализацией. А иначе тебе придется избавиться от фазанов.

Фольц покачал головой:

— Ты ведь знаешь... чтобы избавиться от фазанов... и установить сигнализацию потребуется куча денег. Мы это уже проходили. Но в любом случае... кто бы это ни был, он отъявленный шельмец...

— Боже правый, это не может продолжаться до бесконечности! Это... — Сильвия содрогнулась. — Отвратительно! Конечно, рано или поздно их все равно убили бы, но в этом есть что-то жуткое...

В разговор вмешалась Дол Боннер:

— Мы об этом и говорим. Хочешь послушать, как я инструктирую Пратта, и высказать свое мнение?

— Но, Дол, у тебя ведь есть Делк... и тот, другой, с золотыми зубами... — Сильвия остановилась и села обратно. — Ну ладно, выкладывай.

Дол Боннер дважды коснулась крошечного черного пятнышка на гладкой коже щеки под правым ухом. Это была не старомодная мушка, которую некогда наклеивали дамы, а просто-напросто симпатичная крошечная родинка, скорее отличительная особенность,

нежели физический изъян. Дол повернулась к маленькому человеку в конце стола:

— Пратт, доставай блокнот. Записывай. Мартин Фольц. Вот этот человек. В двух милях к северо-западу от Огоувока, на Каслтон-роуд. Вольфрам де Руд. — Она произнесла имя по буквам. — С одиннадцати вечера до пяти утра, начиная с сегодняшнего дня. И так... — Дол развернулась лицом к Пратту. — В своем поместье Фольц среди прочего держит фазанов и кроликов. Он занялся их разведением ради развлечения, однако в последнее время стал зарабатывать на этом деньги, а точнее, пытался зарабатывать. В поместье четверо приходящих работников, не считая шофера и Вольфрама де Руда... запишите... управляющего. В прошлом мае один из рабочих как-то утром обнаружил в открытом вольере двух мертвых фазанов. Они были подвешены за шею с помощью провода, привязанного к столбам сетчатого ограждения. Птиц задушили умышленно. Скользящий узел был затянут так, чтобы помешать квохтанию фазанов, но достаточно свободно, чтобы жертвы подольше помучились; они потеряли массу перьев. Фольц и де Руд попытались провести расследование. Безуспешно. В расследовании им помогал некий мистер Циммерман, друг Фольца, гостивший в поместье. Через неделю все повторилось, причем на сей раз были задушены уже три фазана. Фольц организовал охрану вольера в ночное время...

— А Циммерман в то время еще гостил в поместье? — писклявым тенором спросил Силки Пратт.

— Да. Хотя это вас не касается. Ваше дело — наблюдение, а не умозаключения. Циммерман — старый и очень близкий друг Фольца. Друг детства. По прошествии двух недель охрану сняли. Десять дней спустя де Руд обнаружил уже шесть задушенных фазанов. Все было точно как в прошлые разы. Они поставили...

— А что это был за провод?

— Я бы попросила. Разве я не сказала, что это вас не касается? Все следы обрывались. Они заперли домики для фазанов и обратились в полицию. Полицейские покрутились вокруг и благополучно отчалили. В начале июля были обнаружены два кролика, задушенных аналогичным образом. Кролики. Для них требовалось больше подготовки, поскольку кролики способны верещать как днем, так и ночью, но никаких звуков никто не слышал. Это записывать не нужно. Просто вы должны понимать ситуацию. Пришлось запереть все клетки и вольеры. Три недели спустя были убиты четыре фазана и той же ночью еще три кролика. Не спрашивайте меня о клю-

чах. Они хранились там, где их при желании мог найти даже посторонний человек. Естественно, это мог сделать любой, кто находился в поместье. Де Руд мог. Даже сам Фольц мог. Мартин, в чем дело?

Она скосила на него свои золотисто-карие глаза в обрамлении черных ресниц.

— Да, я мог бы, — раздраженно ответил Мартин. — Мог бы, если бы ходил во сне. Это какой-то кошмар!

У Мартина поникли плечи, и Сильвия погладила его по руке.

Тем временем Дол Боннер продолжила вводить Пратта в курс дела:

— Это произошло шесть недель назад, когда наша фирма уже открылась. Мисс Раффрей уговорила Фольца обратиться к нам. Я убила на это кучу времени, но ни на шаг не продвинулась. Тогда я наняла Делка и еще одного человека, поручив им установить наблюдение. Это сложно, поскольку некоторые клетки и вольеры переносные, а территория занимает несколько акров. Слежка — дело дорогостоящее. Когда к концу месяца ничего не случилось, мы отозвали наших людей. До вечера прошлого четверга все было тихо-спокойно. В пятницу утром рабочие обнаружили двух задушенных фазанов. Тогда решили повесить новые замки, а старые выбросить за ненадобностью. А вчера ночью убили еще четырех фазанов. В сетке была прорезана дыра, причем достаточно большая, чтобы через нее мог пролезть человек. Фазанов обнаружил де Руд. Он вам все покажет, если вы захотите лично удостовериться.

У Пратта заблестели глаза.

— Я бы хотел узнать побольше об этом Циммермане, — жалобным голосом произнес он.

— Забудьте о Циммермане. Я же сказала, что ухлопала впустую уйму времени на изучение обстоятельств дела. Единственный прокол нашей конторы. Вы отправитесь туда за счет фирмы, потому что Фольц потратил кучу денег, ничего не получив взамен... Нет, Мартин, спорить бесполезно. Нам необходимо поймать его... или ее... а ты заплатил достаточно. Итак, поезд от вокзала Гранд-Сентрал отправляется в двадцать сорок восемь, а в Огоувок прибывает в двадцать один сорок, еще засветло. Де Руд встретит вас на станции в Огоувике. В коттедже, где живет де Руд, есть чердачное окно, из которого открывается прекрасный вид на вольеры и загоны. В условиях кромешной тьмы вы мало что увидите, но в ясную ночь или более-менее ясную определенно сумеете разглядеть идущего человека. Никто, кроме де Руда, не должен знать, что вы там. Вы будете по-

кидать пост еще до того, как проснутся работники. Днем можете спать, сколько вашей душе угодно, поскольку вся работа придется на ночное время. Оплата как за восьмичасовой рабочий день плюс дополнительные сто долларов, если сумеете его поймать.

Пратт, посмотрев исподлобья на Дол, облизал губы:

— И все же, босс. Чердачное окно. Допустим, я действительно его увижу. Какая тактика? А если он будет далеко?

— Пристрелите его! — взорвалась Сильвия.

Он поднял руки ладонями вверх:

— В темноте, мисс? Я не настолько хорош.

— Спуститесь с чердака и разбудите де Руда, — предложил Фольц.

— Шататься в темноте... — скептическим тоном начал Пратт.

— Не выпускайте его из виду, — заявила Дол Боннер. — Вы наверняка увидите, как он будет забираться в вольер, а значит, у вас в запасе будет какое-то время. Приготовьте веревку, чтобы спуститься прямо из окна. Держите под рукой фонарик и ствол. Подберитесь как можно ближе. Если он побежит, вы имеете право стрелять, но цельтесь пониже.

— Если я прицельюсь пониже, то попаду ему в живот.

— Даже и не думайте стрелять ему в живот! — Глаза Дол Боннер вспыхнули. — Да и вообще, куда бы то ни было. Просто напугайте его. А затем догоните. Он, скорее всего, жуткий трус, если крадется в темноте и душит... — Дол вздрогнула. — Вы ведь сможете его поймать, да?

— Попытаюсь. — Силки с тяжелым вздохом поднялся на ноги. — Не по душе мне всю ночь напролет сидеть на жердочке. Сроду таким не занимался. — Он направился к двери, но остановился. — Скажите, а поместье Фольца, случайно, не возле Берчхейвена, поместья Сторрса, куда я в тот раз ездил за чемоданом?

— Да, оно граничит с Берчхейвеном. Но не советую делать поспешных выводов. — Дол Боннер, встав с места, положила руку на плечо оперативника. — Поймите его. Хорошо, Пратт?

— Хорошо, босс. До встречи!

— Погодите! — Дол повернулась к Сильвии. — Что скажешь? Это будет стоить денег. Ты ведь у нас казначей.

— Боже мой! — Сильвия, оторопев, замерла с беспомощным видом. — Ой, Дол... я кое-что должна тебе сообщить... Дол, дорогая. И вообще... а у нас есть деньги в банке?

— Конечно есть. Та тысяча, которую ты положила на счет в среду.

СОДЕРЖАНИЕ

РУКА В ПЕРЧАТКЕ	5
ГОРНАЯ КОШКА	207
КРАСНЫЕ НИТИ	405
АЛФАБЕТ ХИКС	603
ПОЧТИ РАВНЫЙ БОГУ	799